

УДК 327

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_2_93

СТАНОВЛЕНИЕ «СЕВЕРНОЙ ПОЛИТИКИ» РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ (1998–2003)

Ким Мин Кёль,

Московский государственный университет
международных отношений (МГИМО) МИД России,
Москва, Россия,
kim.m.k@my.mgimo.ru

Кирилл Евгеньевич Коктыш,

Московский государственный университет
международных отношений (МГИМО) МИД России,
Москва, Россия,
kirill.koktysh@gmail.com

Получена 15.02.2025.

Поступила после рецензирования 13.04.2025.

Принята к публикации 15.05.2025.

Для цитирования: Ким Мин Кёль, Коктыш К. Е. Становление «Северной политики» Республики Корея (1998–2003) // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 2. С. 93–107. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_2_93

Аннотация

Целью данной статьи является анализ процесса становления «Северной политики» Республики Корея: концепт последней появился вместе с окончанием холодной войны, когда перед Сеулом открылось «случайное окно возможностей» в части формирования самостоятельной политики в регионе, в первую очередь –

© Ким Мин Кёль, Коктыш К. Е., 2025

в отношении КНДР. Процесс ее становления начинается с администрации Но Тхэ У (1988–1993) и продолжается с переменным успехом на протяжении администраций Ким Ён Сама (1993–1998) и Ким Дэ Чжуна (1998–2003). К моменту, когда США при президенте Джордже Буше-младшем пересмотрели свои приоритеты в Евразии и стали негативно воспринимать любые происходящие там интеграционные процессы, политика эта уже практически сложилась, в силу чего не исчезла, но существовала в условиях мощного патроната со стороны Вашингтона. Опорным методом исследования является когнитивный анализ, а также проблемно-хронологический и сравнительно-исторический подходы. Главным объектом исследования стало становление и развитие политической метафоры «Северной политики», которая (возникнув как вполне инструментальная, по сути, изначально мыслившаяся как обоснование поглощения КНДР Южной Кореей на условиях последней) постепенно обросла новыми смыслами и императивами, превратившись в итоге в ключевой концепт, характеризующий императив внешнеполитического суверенитета Республики Корея. В рассматриваемый период концепт-метафора «Северная политика» прошла долгий и драматичный путь: начавшись как калька с «восточной политики» ФРГ, описывавшей поглощение ею ГДР, она довольно долго существовала в этом простом качестве, по сути, облекая в доктрину уверенность Сеула в скорой неизбежности решения проблем «двух Корей» на его условиях. Далее возник «первый звонок», первый из «ядерных» кризисов (речь идет об инспекции МАГАТЭ), который повлек за собой быструю интернационализацию «северокорейского вопроса» вместе с угрозой для Сеула утратить инициативу. Это стало основанием для полноценного пересмотра концепции – и политика администрации Ким Дэ Джуна с этим вызовом вполне справилась. Однако, время было упущено, внешнеполитическая ситуация к тому моменту изменилась, и последующие администрации уже были вынуждены проводить «Северную политику» в совсем иных, куда более сложных условиях. Тем не менее, руководство Республики Корея от нее не отказалось. Во многом усилиями Ким Дэ Джуна «Северная политика» стала фактором общественного сознания населения Южной Кореи, который в дальнейшем оказывал большое влияние на политику. В этом контексте мы можем утверждать, что период становления «Северной политики» увенчался существенным успехом: запрос на внешнеполитический суверенитет стал императивом для Республики Корея.

Ключевые слова:

Северная политика, новая северная политика, новая экономическая карта Корейского полуострова, политика объединения Корейского полуострова, корейская политика безопасности, корейская национальная стратегия, межкорейские отношения

Источники финансирования:

статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках гранта ИМИ № 2025–04–04.

UDC 327

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_2_93

THE CONCEPT OF NORDPOLITIK IN THE REPUBLIC OF KOREA'S FOREIGN POLICY DOCTRINES (1998–2003)

Kim Min Koel,

Moscow State Institute of International Relations,
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia,
kim.m.k@my.mgimo.ru

Kirill E. Koktysh

Moscow State Institute of International Relations,
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia,
kirill.koktysh@gmail.com

Received 15.02.2025.

Revised 13.04.2025.

Accepted 15.05.2025.

For citation: Kim, Min Koel, Koktysh, K.E. (2025). *The Concept of Nordpolitik in the Republic of Korea's Foreign Policy Doctrines (1998–2003)*. *Discourse-P*, 22(2), 93–107. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_2_93

Abstract

The article examines the evolution of South Korea's *Nordpolitik* (*Northern Policy*) of the Republic of Korea, from its inception under the Roh Tae-woo administration (1988–1993), through its subsequent development under Kim Young-sam (1993–1998) and Kim Dae-jung (1998–2003). Emerging at the end of the Cold War, the policy capitalized on Seoul's newfound strategic opportunities in the region, particularly concerning relations with North Korea. Initially conceived as a pragmatic framework for eventual inter-Korean unification on South Korean terms, *Nordpolitik* gradually evolved into a broader doctrine emphasizing the Republic of Korea's foreign policy sovereignty. Despite shifts in U.S. regional strategy under George W. Bush – who saw Washington adopt a more skeptical stance toward Eurasian integration – *Nordpolitik* endured, sustained by Seoul's determined institutionalization of the policy. The study employs cognitive analysis, alongside problem-chronological and comparative historical methods, to trace the transformation of *Nordpolitik* from a German style reunification model (*Ostpolitik*) into a dynamic concept responsive to geopolitical challenges. Key turning points, such as the first North Korean nuclear crisis and the subsequent internationalization of the “Korean question,” prompted South Korea to redefine its approach,

particularly under Kim Dae-jung's engagement-oriented "Sunshine Policy." Although later administrations faced more constrained diplomatic environments, *Nordpolitik* persisted as a fixture of South Korean foreign policy, inspired by its domestic political legitimization. The policy's institutionalization reflects Seoul's enduring commitment to strategic autonomy, marking a significant success in asserting the Republic of Korea's sovereign agency in international affairs.

Key words:

Nordpolitik, New Northern Policy, New Economic Map of the Korean Peninsula, Unification Policy of the Korean Peninsula, Korean Security Policy, Korean National Strategy, Inter-Korean Relations

Funding:

The article was prepared with the financial support of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, as part of the IMI grant No. 2025–04–04.

Введение

Вопрос о «Северной политике» Республики Корея (об этом концепте ее внешней политики, охватывающем КНДР, Россию и Китай), по понятным причинам остается неизменно актуальным, поскольку Корейский полуостров является ключевым фактором, во многом определяющим ситуацию с безопасностью в Северо-Восточной Азии. Завершение биполярной эпохи создало для Сеула уникальный коридор возможностей, когда Республика Корея (далее – РК) получила известную «свободу рук» в части построения суверенной внешней политики. На тот момент Южная Корея была одним из успешных «азиатских тигров» и могла эффективно проводить эту политику, опираясь на мощный экономический базис, результатом чего могло быть не только плодотворное и конструктивное решение «проблемы двух Корей», но и совершенно иной расклад в сегодняшней Северо-Восточной Азии. Этого не произошло, хотя соответствующие попытки предпринимались Сеулом, и достаточно активно. Их исследованию и посвящена настоящая статья.

Началом «Северной политики» Республики Корея считается «Специальная внешнеполитическая декларация о мирном объединении» от 23 июня 1973 г., предлагавшая наладить отношения с СССР и КНР (Ли К., 1974; Ли Ч., 1974). Тот документ способствовал появлению термина «северная политика», – поскольку СССР и КНР расположены к северу от Корейского полуострова, корейские эксперты стали называть политику в отношении этих двух стран «северной» по аналогии с «восточной политикой» ФРГ, однако реальных действий в рамках нового подхода не последовало. Полноценная же концептуализация «северной политики» произошла при администрации Но Тхэ У (1988–1993). Точкой отсчета Чон Чжэ Сон полагает установление дипломатических отношений между

Китаем и СССР: по его мнению, «это означало, что КНДР больше не может претендовать на монополию в части определения позиции России и Китая в отношении РК», и что США, позволив Южной Корее сблизиться с КНР и СССР, показали пример того, что «в нужное время надо использовать возможность установить дипотношения со своим бывшим врагом». Для Кореи было важно «понимать структуру интересов и баланс сил великих держав и понимать природу перемен в международной политике, чтобы воспользоваться случайным окном возможностей» (Чон, 2002).

Произошедшее в период президентства Но Тхэ У окончание холодной войны означало «обнуление» множества ограничений, в первую очередь идеологических, и РК увидела в этом свой исторический шанс обрести суверенитет в проведении внешней политики и избавиться от системной зависимости. «Северная политика» также предполагала возможность изменения главной константы внешней политики РК – военного союза с Соединенными Штатами.

«Случайное окно возможностей» обусловило довольно быстрое возникновение соответствующей концептуализации внешнеполитических приоритетов. Идея «ориентации на север», возникнув в момент демократизации 1987 г., в дальнейшем устойчиво прослеживается в политической риторике РК, трансформируясь от администрации к администрации и постоянно расширяясь как географически, так и в части ключевых смыслов и задач, со временем став весьма особой, если не ключевой для РК политической метафорой. Ее становление началось с прикладного использования, когда та мыслилась не более чем инструмент, который должен был политически оформить по германскому образцу процесс поглощения и ассимиляции КНДР Южной Кореей, который представлялся в условиях исчезновения СССР предопределенным. Потенциал и возможности КНДР в этой парадигме игнорировались и критически недооценивались, Пхеньян полагался на полностью лишенный свободы маневр, в силу чего речь шла не более чем о возможности для его руководства сохранить лицо и выторговать для себя минимально приемлемые условия. Завершился этот процесс со смертью Ким Ир Сена, когда Сеул, отбросив прежнюю политическую риторику, сделал ставку на дестабилизацию КНДР, которой не случилось. Разрушение прежде наработанного минимального запаса доверия между двумя Кореями породило глубокий кризис: Сеул обнаружил себя перед реальной угрозой «провалить экзамен» на способность осуществлять суверенную внешнюю политику. Результатом стало переосмысление концепта «Северной политики»: последняя стала восприниматься как критически важная для внешнеполитического суверенитета РК, и начала обрастать новым, и вполне реальным, а не фиктивным, функционалом.

В настоящем тексте анализируется процесс становления понятия «севера» в качестве ключевой политической внешнеполитической метафоры РК, предполагающей свои политические императивы и критерии оценки успешности их реализации в период нескольких администраций РК, руководивших страной в 1990-е гг. и в самом начале 2000-х. Базовым методом анализа является когнитивный, в равной мере используются проблемно-хронологический и сравнительно-исторический подходы.

«Северная политика» Республики Корея

С момента своего возникновения в 1988 г. «Северная дипломатия» стала главным направлением, достигнув успехов на котором Республика Корея могла в полной мере обрести свой внешнеполитический суверенитет. Политика разрядки, начатая в СССР М.С. Горбачевым, немедленно коснулась и Корейского полуострова: так, в годы холодной войны внешняя политика Кореи очевидным образом была в сильнейшей степени зависима от США (Kim, 2016, p. 8–11; Lee, 2012, p. 1–3; Shin, 2015; Yoo, 2014). С распадом биполярной системы США начали рассматривать РК не столько как военный плацдарм, сколько как перспективную для инвестиций страну, что запустило внутри РК процесс демократизации. В части внешней политики это означало появление возможности более самостоятельного формулирования и продвижения собственных интересов на жизненно важном для РК направлении – северном, которое включало в себя главным образом отношения с КНДР, но также и с КНР и Россией. Это дало существенный импульс для развития корейской дипломатии, с готовностью и энтузиазмом отказавшейся от ограничительных парадигм времен холодной войны (Ким, 2006, с. 26–28; Ким, 2012, с. 21–22; О, 1994, с. 14–19).

Таким образом начался процесс становление «Севера» как центральной для Южной Кореи политической метафоры, охватывающей все то, что Сеул мог отнести к своей суверенной политике: ее смысловое и географическое расширение, равно как и периодическое сужение, позволяет составить довольно точное представление о положении дел на этом направлении. Концепция «Севера», следуя за внешнеполитической конъюнктурой, постоянно трансформировалась: если в момент своего появления когнитивные рамки «северной дипломатии» включали отношения с СССР, КНР и КНДР, спектр решавшихся вопросов оставался региональным, то к 2017 г., после смены поколения политиков и дипломатов, «Север» включал в себя уже 14 государств евразийского континента, отнесенных Комитетом экономического сотрудничества по Северному направлению при президенте РК к ключевым странам-партнерам.

В этом контексте «Северную политику» вполне можно назвать полноценной внешнеполитической доктриной, опирающейся на «долгосрочные стратегические планы, и подкрепленной интересами, ресурсами, целями и образом действий» (Хрусталева, 2018, с. 137). Сегодня в рамках этой политики весьма существенную роль отводится и России: РК рассматривает Россию как одного из гарантов стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Толорая, Торкунов, 2014, с. 82; Толорая, Торкунов, 2016, с. 143).

Таким образом, «север» весьма опосредованно связан с географией и являет собой сложное и многослойное понятие, конструируемое в соответствии с интересами, целями, доминирующим внешнеполитическим дискурсом. По сути, это «воображаемая», «изменяемая» и «конструктивная» сфера (Ким, 2016а, 2016б). О ее значимости говорит тот факт, что практически каждый президент РК так или иначе ее корректировал, интегрируя в нее все те направления, которые представлялись возможными и значимыми. Ряд авторов отмечает, что метафора «Северной политики» сегодня имеет три измерения – политика объединения, политика безопасности и национальная стратегия, которые, накладываясь друг на друга,

определяют смысловое наполнение актуальной «Северной политики» (Бэк, 1998, с. 14; Ким, 2020, с. 24; Ли, 2018, с. 137; Ха, 2003, с. 23–25; Чон, 2002, с. 23–25).

«Северная политика» администрации Но Тхэ У (1988–1993)

Президент Но Тхэ У, при котором были заложены основы «Северной политики», вступил в должность в 1988 г. Отправной точкой для нового курса стало участие СССР и КНР в Олимпийских играх, которые прошли в тот год в Сеуле. РК, на время их проведения ставшая центром события мирового масштаба, смогла его использовать как мощный импульс для утверждения своего нового международного статуса. В течение следующего 1989 г. РК установила дипломатические отношения с рядом стран Восточной Европы, в 1990 году – с СССР, а в 1992 – с КНР. В сентябре 1991 г. РК и КНДР одновременно стали членами ООН, а в декабре того же года в Сеуле была подписана Совместная межкорейская декларация о примирении и сотрудничестве. Тогда же было сделано заявление о безъядерном статусе Корейского полуострова. КНДР, опасаясь возможности своего поглощения ставшей экономически более сильной РК, инициативно предложила свою Программу великой консолидации, которая предполагала реализацию переосмысленной китайской формулы «одна страна – две системы». В формулировке Ким Ир Сена она звучала как «одна нация – одна страна – две системы – два правительства» (Захарова, 2014, с. 14). Однако РК не стала рассматривать ее по существу, исходя из когнитивных представлений, наработанных в годы «холодной войны»: интерпретация ее окончания как односторонней победы Запада предполагала возможность реализовать в свою пользу новые региональные и геополитические реалии. Тем более что СССР фактически отозвал свои гарантии безопасности в отношении КНДР, ее экономическое положение оказалось кризисным, а экономика РК находилась на подъеме. В силу собственного экономического превосходства руководство Республики Корея рассматривало объединение на условиях Сеула как единственно возможную, рациональную и вполне очевидную перспективу. В рамках этих когнитивных установок объединение двух Корей мыслилось администрацией президента Но Тхэ У как распространение культуры и жизненных стандартов РК на КНДР, т. е. фактически как ее поглощение по примеру ФРГ и ГДР, и предложенная Ким Ир Сеном альтернатива по сути не прорабатывалась. Как выяснилось позднее, это было стратегической ошибкой и впоследствии поставило под вопрос всю Северную политику РК.

Руководство КНДР, обнаружив слабость своей переговорной позиции, логичным образом стало искать способы ее сбалансирования. По сути, переход КНДР к обретению «ядерной идентичности» на тот момент был уже решенным вопросом: исчезновение поддержки СССР и явная невозможность достижения экономического паритета с Южной Кореей лишали иных реалистичных опций, а оставленный СССР в наследство промышленный потенциал обнадеживал в обретении ядерной компоненты. Воронцов цитирует участника переговоров 1990 г. дипломата А.Н. Панова, сопровождавшего министра иностранных дел Э.А. Шеварднадзе во время его визита в Пхеньян, когда Шеварднадзе сообщил Ким Ён Наму, министру иностранных дел КНДР, о намерении СССР нарушить

данное двумя годами ранее обещание не признавать Южную Корею. Ким Ён Нам заявил об этом шаге Горбачева как о предательстве, и сообщил, что у КНДР не остается иного выхода, кроме как выйти из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и приступить к созданию собственного ядерного оружия.

В отсутствие гарантий со стороны СССР «ракетно-ядерная программа КНДР уже тогда стала мыслиться как становой хребет северокорейской идентичности» и «единственная гарантия безопасности и самостоятельности страны» (Воронцов, 2021). Ядерный вариант рассматривался КНДР как радикальный и «сравнительно дешевый» способ (Торкунов и др., 2021, с. 186) установления баланса сил в условиях, когда вооруженные силы КНДР оказались в состоянии упадка вследствие тяжелого экономического положения страны и прекращения поставок советской техники. Иными словами, в то время как РК полагала, что КНДР находится в безвыходном положении и просто обречена делать уступки, страна выигрывала время с тем, чтобы как минимум восстановить баланс сил, а как максимум – и обрести стратегическое преимущество.

Как известно из теории переговоров, разница стратегических целей не исключает возможности достижения договоренностей по второстепенным пунктам повестки, которые – до определенного момента – каждая из сторон вполне обоснованно может интерпретировать как шаг в сторону достижения собственной цели. В этом контексте администрация Но Тхэ У полагала, что она в полной мере воспользовалась изменившейся в 1990-х годах международной ситуацией и сумела прочно закрепить за собой инициативу на северном направлении (Ким, 1992, с. 5), и последовавшая затем «ядерная» эволюция КНДР оказалась для РК совершенной неожиданностью.

«Политика глобализации» администрации Ким Ён Сама (1993–1998)

Президент Ким Ён Сам, вступивший в должность в 1993 г., объявил внешнеполитической стратегией «политику глобализации», которая предполагала укрепление позиций РК в международных организациях и прогресс в межкорейских отношениях. В ситуации, когда «корейский вопрос» перестал быть двусторонней проблемой и стал рассматриваться как проблема международная, РК логичным образом взяла курс на повышение своего влияния в вовлеченных в его решение международных организациях.

Соответствующая необходимость возникла вследствие первого ядерного кризиса на корейском полуострове, в результате которого Сеул оказался на вторых ролях, а роль медиатора привычно взяли на себя США. Кризис начался в 1993 г. с отказа Пхеньяна допустить инспекторов МАГАТЭ к проверке двух ядерных объектов на территории КНДР, после чего КНДР заявила о выходе из этой организации. Инцидент был урегулирован США: на встрече президента США Дж. Картера с Ким Ир Сеном летом 1994 г. были определены базовые параметры Рамочного соглашения, которое вскоре было подписано в Женеве. По нему КНДР отказывалась от ядерной программы, возвращалась в ДНЯО и восстанавливала сотрудничество с МАГАТЭ, а США брали на себя обязательства построить в КНДР две легководных АЭС и компенсировать энергетические потери ежегодной поставкой 500 тыс. тонн мазута (Денисов, 2006, с. 6).

Ким Ён Сам, обнаружив угрозу утраты инициативы, энергично включился в этот трек: после Женевы между двумя странами начались переговоры и обсуждалась идея саммита. Ким Ён Сам предложил свой вариант трехэтапной концепции объединения Кореи. Первая фаза называлась «Примирение и сотрудничество», достичь которых предполагалось посредством взаимного признания и осуществления конкретных мер доверия через обмены в различных отраслях. Вторая фаза, «Корейское содружество», должна была возникнуть на основе опыта и достижений первой и предполагала институционализацию механизма мира и сотрудничества на полуострове. На этом этапе власти Севера и Юга должны были согласовать структуру и функции Корейского содружества; среди основных органов предлагались Совет президентов и Совет министров. Расширение экономического сотрудничества и взаимных поездок граждан должно было привести к формированию единого экономического пространства и рассматривалось как основа дальнейшей политической интеграции. На завершающем этапе, «Одна нация – одно государство», планировалось создание унитарного корейского государства, формирование единого парламента и единого правительства, а руководящие принципы предусматривали приоритет демократического национального консенсуса над другими способами принятия решений, сопроцветание и обеспечение сопоставимых жизненных стандартов (Захарова, 2014, с. 17). Собственно, анализ предложений Ким Ён Сама показывает, что речь шла о реализации тех же самых когнитивных установок Но Тхе У, т.е. проект представлял собой новую редакцию попытки экономической ассимиляции КНДР, когда главным актором оказались бы корпорации РК – что было заведомо неприемлемо для КНДР.

Но подготавливавшийся саммит не состоялся из-за внезапной смерти лидера КНДР Ким Ир Сена. После этого политический курс Республики Корея резко изменился: Ким Ён Сам сделал ставку на то, что после смерти прежнего руководителя страны в Северной Корее начнутся социальные волнения, которые создадут условия для ее поглощения Югом. Предыдущая риторика была отброшена, что немедленно подорвало накопленный к тому моменту запас взаимного доверия, Ким Ён Сам занял резко конфронтационную позицию и даже не выразил Пхеньяну соболезнования. Однако «политика силы» привела к отрицательному результату: несмотря на серию природных катастроф, главным образом наводнений, вызывавших критическую нехватку продовольствия в КНДР (Ким, 1996, с. 21), северокорейский режим сумел устоять. Возможности Ким Ён Сама проводить эффективную «Северную политику» понятным образом оказались исчерпаны, а вместе с этим «схлопнулось» и пространство суверенной внешней политики.

«Политика солнечного тепла» администрации Ким Дэ Чжуна (1998–2003)

Президенту Ким Дэ Чжуну, вступившему в должность в 1998 г., пришлось начинать «Северную политику» фактически с нуля. Она была кардинально переосмыслена. Причиной этого стал глубокий когнитивный кризис южнокорейских элит: окончательный провал мог поставить крест на возможности обретения РК полноценного внешнеполитического суверенитета, цели, достижение ко-

торой ранее мыслилось как неизбежное и как вопрос ближайшего времени. Это повлекло глубокое переосмысление всего концепта «Северной политики»: тот перестал предполагать в качестве единственно возможной игру с «нулевой суммой», допуская вполне равноправные и взаимовыгодные отношения.

В результате Ким Дэ Чжун провозгласил кардинально отличный от своего предшественника курс, назвав политику взаимодействия с КНДР «Политикой солнечного тепла». Это во многом сработало: его политика способствовала укреплению позиций РК как главного переговорщика с КНДР. Так, Ким Дэ Чжун смягчил Закон о национальной безопасности (простое проявление симпатий к КНДР перестало быть наказуемым), предоставил властям КНДР помощь в размере 500 млн \$ и провел встречу с лидером КНДР Ким Чен Иром в Пхеньяне (Торкунов и др., 2008, с. 355–356). Результатом этой исторической встречи стала «Совместная декларация Юга и Севера Кореи» 15 июня 2000 г. о примирении и сотрудничестве.

Что существенно, на этом этапе «Северная политика» была вполне воспринята в качестве значимой и реальной на уровне массового сознания населения Южной Кореи: ее общество на самом деле поверило, что «Политика солнечного тепла» – не риторика, а реалистичная дипломатия, направленная на сближение Юга и Севера (Торкунов и др., 2008, с. 353). Представлялось, что корейская проблема действительно может быть решена корейскими народами, чему залогом была и позиция администрации Клинтона, заявившей о готовности США способствовать достижению договоренностей по финансированию и сооружению легководного реактора в КНДР. Корейская организация по развитию энергетики (КЕДО) определила, что стоимость проекта составит 4,6 млрд \$ США, из них 70 % расходов взяла на себя Южная Корея, 22 % – Япония, 8 % – Евросоюз. США обязались обеспечить ежегодные поставки мазута Пхеньяну в объеме в 500 тыс. тонн (Денисов, 2006, с. 6). Администрация Ким Дэ Чжуна стремилась также содействовать дипломатическому, политическому и экономическому сотрудничеству с Россией и КНР, имеющим тесные отношения с КНДР.

Однако тут произошла резкая смена политики США, причиной ее стала смена американской администрации. С приходом к власти в 2001 г. администрации Дж. Буша-младшего позиция США в отношении КНДР резко изменилась: давление вновь стало базовым политическим инструментом. Вашингтон причислил КНДР к «оси зла», усилил военно-политическое давление на Пхеньян, отказался от своих обязательств по Рамочному соглашению, прекратил поставки мазута в КНДР и потребовал от Северной Кореи полного прекращения всех ядерных программ, включая мирную. В результате процесс мирного урегулирования северокорейской ядерной проблемы был прерван, а в конце 2002 г. Вашингтон обвинил КНДР в том, что та, получая поддержку от Сеула, «осуществляет секретную ядерную программу» (Денисов, 2006, с. 7). Начавшийся было процесс суверенизации внешней политики Сеула вновь оказался подвешенным.

Заключение

Рассмотрение процесса становления понятия «севера» в качестве ключевой внешнеполитической метафоры Республики Корея позволило увидеть механизмы развития драмы двух Кореи: возможность равноправного и вза-

имоприемлемого ее урегулирования на двусторонней основе была упущена. Причиной стало то, что Сеул в построении своей внешнеполитической стратегии исходил из привычных когнитивных представлений, сформированных годами холодной войны: распад СССР интерпретировался как односторонняя победа Запада, вследствие чего последующий распад КНДР представлялся неизбежным его следствием и полагался лишь вопросом времени. В этой парадигме возможна была только игра с нулевой суммой, и «Северная политика» должна была не более чем концептуально оформить последующее поглощение КНДР Республикой Корея. Это оказалось заблуждением и имело следствием критическую недооценку руководства КНДР и располагаемого им потенциала. Сила экономики не оказалась решающим аргументом, что и привело к первому кризису, вылившемуся в переходе «корейского вопроса» на международный уровень.

Однако, дипломатические поражения 1990-х на северокорейском направлении привели к реконцептуализации «Северной политики»: из прикладного инструмента, который должен был легитимировать неизбежное, казалось, поглощение, при администрации Ким Дэ Чжуна та стала эволюционировать в полноценную доктрину, предопределяющую политику и формирующую ее императивы и предполагающую возможность полноценного и дружественного диалога. Причиной стало осознание элитами РК «цены вопроса»: выход проблемы КНДР из зоны ответственности Сеула на международный уровень ставил под сомнение саму возможность перспективного обретения Республикой Корея полноценного внешнеполитического суверенитета и цементировал ее системную зависимость во всех критических вопросах от Вашингтона.

К сожалению, на этот период пришлось и изменение политики США в регионе: в новой парадигме Джорджа Буша-младшего те начали воспринимать региональные интеграционные процессы как потенциальную угрозу для своего доминирования и стали проводить более жесткую политику, нацеленную на сохранение межкорейской конфронтации (Коктыш и др., 2024, с. 173–175). Однако, это не отменило «Северную политику», которая успела стать для Республики Корея безусловной ценностью, но создало принципиально иные, куда менее благоприятные условия для ее реализации, в рамках которых она в дальнейшем и развивалась.

Список литературы

1. Бэк, Ч. Ч. (1998). *Анализ и оценка внешней политики Кореи в период после окончания холодной войны*. Соннам: Институт Седжон. (На корейском).
2. Воронцов, А. В. (2021). Что будет на Корейском полуострове в ближайшее десятилетие? *Международная жизнь*, (1), 122–132.
3. Денисов, В. (2006). Корейская ядерная проблема: возможности политического урегулирования сохраняются. *Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России*, (8), 3–16.
4. Захарова, Л. В. (2014). *Межкорейские экономические отношения: от истоков до современности*. Москва: ИДВ РАН.

5. Ким, Г.Д. (2012). *Современная внешняя политика*. Сеул: Мёнин Мунхваса. (На корейском).
6. Ким, Д. (1992). *Дипломатия слабой державы*. Сеул: Поисковая группа. (На корейском).
7. Ким, К.В. (2006). *Демократия и сбалансированная дипломатия*. Паджу: Нанам. (На корейском).
8. Ким, С.Б. (2016а). *Дипломатия средней державы Кореи: история, теория и практика*. Сеул: Мёнгин Мунхваса. (На корейском).
9. Ким, С.Б. (2016б). *Теория будущей стратегии безопасности: помимо нетрадиционной теории безопасности*. Сеул: Академия социальной критики. (На корейском).
10. Ким, С.Б. (2020). *Дипломатия средней державы на этапе становления: перспектива комплексной геополитики*. Сеул: Академия социальной критики. (На корейском).
11. Ким, Ч.В. (1996). *Корейское дипломатическое развитие*. Сеул: Джипмунданг. (На корейском).
12. Коктыш, К.Е., Сергеев, В.М., Игитян, А.А. (2024). Долгая жизнь органической метафоры Руссо: опыт деконструкции концептов американской политики в Европе и Евразии. *Вестник МГИМО-Университета*, 17(5), 161–184. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-5-98-161-184>
13. Ли, К.Г. (2018). *Инициатива «Один пояс и один путь», новая северная политика и новая южная политика*. Паджу: Книжная звезда. (На корейском).
14. Ли, К.Т. (1974). Возможность дипломатии Кореи с Китаем и Советским Союзом. *Северная Корея*, Февраль, 21–30. (На корейском).
15. Ли, Ч. (1974). Перспективы политики Советского Союза в отношении Кореи и проблемы дипломатии Кореи с Советским Союзом. *Национальное объединение*, Январь, 1–20. (На корейском).
16. О, Г.П. (1994). *Корейская дипломатия: новый международный порядок и логика неопределенности*. Сеул: Орым. (На корейском).
17. Толорая, Г.Д., Торкунов, А.В. (2014). Северокорейский фактор и укрепление позиций России в Азии. *Международная жизнь*, (3), 69–85.
18. Толорая, Г.Д., Торкунов, А.В. (2016). Ракетно-ядерная угроза на Корейском полуострове: причины и меры реагирования. *Полис. Политические исследования*, (4), 131–146. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.11>
19. Торкунов, А.В., Денисов, В.И., Ли, В.Ф. (2008). *Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории*. Москва: ОЛМА Медиа Групп.
20. Торкунов, А.В., Толорая, Г.Д., Дьячков, И.В. (2021). *Современная Корея. Метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.)*. Москва: Просвещение.
21. Ха, Е.Ч. (2003). *Северная политика: истоки, развитие и влияние*. Сеул: Изд-во Сеул. нац. ун-та. (На корейском).
22. Хрусталеv, М. А. (2018). *Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: Учеб. пособие для вузов (2-е изд., испр. и доп.)*. Москва: Аспект Пресс.
23. Чон, Ч.С. (2002). Анализ детерминант северной политики администрации Но Тхэ У и процесса последующих изменений северной политики. *Международные исследования*, Октябрь, 23–45.

24. Kim, S.M. (2016). South Korea's Middle-Power Diplomacy: Changes and Challenges. *Chatham House Research Asia Programme*. Paper, 1–16. Retrieved November 22, 2021, from <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2016-06-22-south-korea-middle-power-kim.pdf>
25. Lee, S.-J. (2012). *South Korea as New Middle Power. Seeking Complex Diplomacy*. Seoul: The East Asia Institute. Retrieved November 23, 2022, from https://www.eai.or.kr/data/bbs/kor_report/2012091210545762.pdf
26. Shin, S.O. (2015). South Korea's Elusive Middlepowermanship: Regional or Global Player? *The Pacific Review*, 29(2), 187–209. <https://doi.org/10.1080/09512748.2015.1013494>
27. Yoo, H.J. (2014). The China factor in the US–South Korea Alliance: the Perceived Usefulness of China in the Korean Peninsula. *Australian Journal of International Affairs*, 68(1), 85–105. <https://doi.org/10.1080/10357718.2013.840556>

References

1. Baek, C.C. (1998). *Analysis and Evaluation of Korea's Foreign Policy in the Post-Cold War Period*. Seongnam: Sejong Institute. (In Korean).
2. Denisov, V. (2006). Koreyskaya yadernaya problema: vozmozhnosti politicheskogo uregulirovaniya sokhranyayutsya [The Korean Nuclear Problem: Possibilities for Political Settlement Remains]. *Analiticheskie zapiski Nauchno-koordinatsionnogo soveta po mezhdunarodnym issledovaniyam MGIMO (U) MID Rossii*, (8), 3–16.
3. Ha, Y.C. (2003). *Northern Policy: Origins, Development and Influence*. Seoul: Seoul National University Press. (In Korean).
4. Jeon, J.S. (2002). Analysis of the Determinants of the Northern Policy of the Roh Tae Woo Administration and the Process of Subsequent Changes in Northern Policy. *Journal of International Studies*, October, 23–45. (In Korean).
5. Khrustalev, M.A. (2018). *Analiz mezhdunarodnykh situatsiy i politicheskaya ekspertiza: Ucheb. posobie dlya vuzov* [Analysis of International Situations and Political Expertise: Proc. Allowance for Universities (2nd ed., corr. and augm.)]. Moscow: Aspekt Press.
6. Kim, D. (1992). *Weak Power Diplomacy*. Seoul: Search Party. (In Korean).
7. Kim, J.W. (1996). *Korean Diplomatic Development*. Seoul: Jipmundang. (In Korean).
8. Kim, K.D. (2012). *Contemporary Foreign Policy*. Seoul: Myungin Munhwasa. (In Korean).
9. Kim, K.W. (2006). *Democracy and Balanced Diplomacy*. Paju: Nanam Publishing House. (In Korean).
10. Kim, S.B. (2016b). *Future Security Strategy Theory: Beyond Non-Traditional Security Theory*. Seoul: Academy of Social Criticism. (In Korean).
11. Kim, S.B. (2016a). *Korean Middle Power Diplomacy: History, Theory and Practice*. Seoul: Myungin Munhwasa. (In Korean).
12. Kim, S.B. (2020). *Emerging Middle Power Diplomacy: A Complex Geopolitics Perspective*. Seoul: Academy of Social Criticism. (In Korean).

13. Kim, S.M. (2016). *South Korea's Middle-Power Diplomacy: Changes and Challenges*. Chatham House Research Asia Programme. Paper, 1–16. Retrieved November 22, 2021, from <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2016-06-22-south-korea-middle-power-kim.pdf>
14. Koktysh, K. E., Sergeev, V. M., & Igityan, A. A. Dolgaya zhizn' organicheskoy metafory Russo: opyt dekonstruktsii kontseptov amerikanskoy politiki v Evrope i Evrazii [The Cognitive Trap of Rousseau's "Organic Metaphor" and the Construction of U.S. Policy in Europe and Eurasia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 17(5), 161–184. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-5-98-161-184>
15. Lee, C. (1974). Prospects for the policy of the Soviet Union towards Korea and the problems of Korean diplomacy with the Soviet Union. *National Association*, January, 1–20. (In Korean).
16. Lee, K. G. (2018). *Belt and Road Initiative, New Northern Policy and New Southern Policy*. Paju: Book Star. (In Korean).
17. Lee, K. T. (1974). The Possibility of Korean Diplomacy with China and the Soviet Union. *North Korea*, February, 21–30. (In Korean).
18. Lee, S.-J. (2012). *South Korea as New Middle Power. Seeking Complex Diplomacy*. Seoul: The East Asia Institute. Retrieved November 23, 2022, from https://www.eai.or.kr/data/bbs/kor_report/2012091210545762.pdf
19. Oh, G. P. (1994). *Korean Diplomacy: New International Order and the Logic of Uncertainty*. Seoul: Orym Publishing House. (In Korean).
20. Shin, S. O. (2015). South Korea's Elusive Middlepowermanship: Regional or Global Player? *The Pacific Review*, 29(2), 187–209. <https://doi.org/10.1080/09512748.2015.1013494>
21. Toloraya, G. D., & Torkunov, A. V. (2016). Nuclear and Missile Threat on the Korean Peninsula: Origins and Response Measures. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (4), 131–146. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.11>
22. Toloraya, G. D., & Torkunov, A. V. (2014). Severokoreyskiy faktor i ukreplenie pozitsiy Rossii v Azii [The North Korean Factor and the Strengthening of Russia's Position in Asia]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, (3), 69–85.
23. Torkunov, A., Denisov, V., & Lee, V. (2008). *Koreyskiy poluostrov: metamorfozy poslevoennoy istorii* [Korean Peninsula: Metamorphoses of Post-war History]. Moscow: OLMA Media Grupp.
24. Torkunov, A. V., Toloraya, G. D., & Dyachkov, I. V. (2021). *Sovremennaya Koreya. Metamorfozy turbulentnykh let (2008–2020 gg.)* [Modern Korea. Metamorphoses of the turbulent years (2008–2020)]. Moscow: Prosveshchenie.
25. Vorontsov, A. V. (2021). Chto budet na Koreyskom poluostrove v blizhayshee desyatiletie? [What will happen on the Korean peninsula in the next decade?], *Mezhdunarodnaya zhizn'*, (1), 122–132.
26. Yoo, H. J. (2014). The China factor in the US–South Korea Alliance: the Perceived Usefulness of China in the Korean Peninsula. *Australian Journal of International Affairs*, 68(1), 85–105. <https://doi.org/10.1080/10357718.2013.840556>
27. Zakharova, L. V. (2014). *Mezhkoreyskie ekonomicheskie otnosheniya: ot istokov do sovremennosti* [Inter-Korean economic relations: from the origins to the present]. Moscow: IDV RAN.

Информация об авторах

Ким Мин Кёль, соискатель кафедры политической теории Московского государственного университета международных отношений (МГИМО) МИД России, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8393-3057>, e-mail: kim.m.k@my.mgimo.ru

Кирилл Евгеньевич Коктыш, доктор политических наук, профессор кафедры политической теории, ведущий научный сотрудник Института международных исследований Московского государственного университета международных отношений (МГИМО) МИД России, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6555-0391>, e-mail: kirill.koktysh@gmail.com

Information about the authors:

Kim Min Koel, Postgraduate, Department of Political Theory, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8393-3057>, e-mail: kim.m.k@my.mgimo.ru

Kirill Evgen'evich Koktysh, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Theory, Senior Research Fellow, Institute for International Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6555-0391>, e-mail: kirill.koktysh@gmail.com
